

966(42.925)
2167-37

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ
ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԶԳԱՅԻՆ ԱԿԱԴԵՄԻԱ

ՀՆԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԱԶԳԱԳՐՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

ԳԻՏԱԿԱՆ ԺԱՌԱՆԳՈՒԹՅՈՒՆ
ՀԱՏՈՐ 6

Ս.Վ. ՏԵՐ-ԱՎԵՏԻՍՅԱՆ

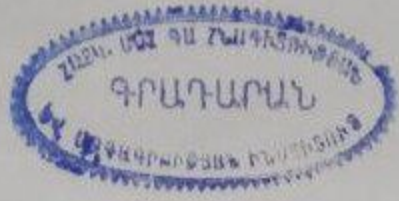
ՀԱՅԱԳԻՏԱԿԱՆ
ՀԵՏԱԶՈՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ

403

ԵՐԵՎԱՆ

ՀՀ ԳԱԱ «ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆ» ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ

2010

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНОСТИ КАРАБАХА И СКИФСКАЯ ПРОБЛЕМА¹

(Табл. XXXIII-XXXIV)
Вместо предисловия

Летом 1924 года Ассоциация Востоковедения при Зак. ЦИК снарядила научную экспедицию в Нагорный Карабах и Зангезур. Экспедиция в первых числах августа прибыла в Степанакерт – столицу автономного Карабаха, где была разработана окончательно программа работ и маршрут. Было принято решение, чтобы члены экспедиции, за исключением С.Д. Лисициана и пишущего эти строки, двинулись в Азербайджанский Курдистан. С.Д. Лисициану было поручено заняться собиранием материалов по этнографии Карабаха, а на меня было возложено изучение памятников материальной культуры.

С 13 августа, отделившись от экспедиции, я в течение десяти дней проехал через Хачен и Джраберд, останавливаясь лишь на главных памятниках материальной культуры. Не имея возможности заняться ими всеми, я обратил свое внимание на курганы, которые большими группами разбросаны по всему Карабаху. С целью собирания и проверки эпиграфического материала, я посетил Гандзасар и Хотаванк. Последний, по справедливости, признается одним из наиболее ярких художественных памятников армянской феодальной архитектуры. И правда, по разнообразию строительных мотивов светской и церковной архитектуры, по поразительно красивой и тонкой резьбе по камню, по фресковой живописи, по богатству надписей домонгольской и монгольской эпохи, Хотаванк занимает исключительное положение. Не могу не отметить, что местные кочевники, пользуясь отсутствием элементарной охраны и надзора, превратили его в зимовник для скота и беспощадно портят его кладоискательством. В свое время я довел об этом до сведения Азербайджанского Археологического комитета.

По возвращении из экспедиции, в качестве отчета, я представил в Ассоциацию Востоковедения две статьи: 1) «Первобытные памятники Нагорного Карабаха», легшую в основу данной работы и 2) «Краткий очерк истории Нагорного Карабаха». Во время этой поездки мною были собраны и проверены древнеармянские надписи Гандзасара и Хотаванка.

¹ Հրատարակվել է անանձին գրքույրով Кавказский историко-археологический институт-ի րավահաջորդ ԽՍՀՄ ԳԱ Անդրկովկասի ֆիլիալի կովկասագիտության գիտահետազոտության ինստիտուտի կողմից Թիֆլիսում 1934 թվին:

Об этих моих работах я сделал сообщение в КИАИ (4. I 1926г.) и поделился своими впечатлениями с некоторыми из ленинградских товарищей.

Все это оживило интерес специалистов к археологическим памятникам Карабаха. В мае 1926г. Общество обследования и изучения Азербайджана Карядило археологическую экспедицию под руководством И.И. Мещанинова для обследования карабахских курганов.²

В связи с этим, сотрудники Академии Истории материальной культуры т.т. Т. Пассек и Б. Латынин вспомнили, наконец, о залежавшихся в фондах Эрмитажа материалах из Карабаха и соседних областей и составили свою информационную работу.³

Археологическая экспедиция Общества обследования и изучения Азербайджана, производившая раскопки Ходжалинских курганов в мае 1926г., пока не опубликовала еще результатов своих работ, могущих пролить новый свет на происхождение этих курганов. Весьма показательны слова руководителя экспедиции И.И. Мещанинова о том, что «гораздо больше оснований предполагать, что ходжалинские курганы старше времени образования на юге урартского государства и являют собой памятники местной культуры, при том далеко не одновременны во всех своих типах».⁴

Кавказ, как один из древних центров Передней Азии, представляет как-бы обширный музей истории человеческой культуры разных эпох. Здесь перед нами открывается грандиозная панорама, начало которой теряется в памяти человеческой, в тех временах, когда человек жил в пещерах и землянках, вооруженный каменными орудиями.

В то время, как в других странах ученые для изучения оставленного нам историей наследства – памятников древности – вынуждены прибегать к продолжительным изысканиям, путешествующий по Кавказу, если, конечно, он специалист, стоящий на высоте своего призвания, и если его зрение и мысль способны охватить и оценить тысячи встречающихся на его пути развалин, наталкивается на такие памятники на каждом шагу. Благодаря этому, наш край издавна уже привлекал к себе внимание иностранных ученых. Кавказоведение начинает особенно развиваться с первой половины XIXв., когда российская Академия Наук принимает широкое участие в научном исследовании этого края. Первоначально изучение древностей Кавказа было произведено Байерном. Приехав на Кавказ в 1859г., он, подобно многим иностранцам, вначале интересовался естественными науками, но, видя неисчислимыя богатства древности (историческо-археологические), оставил свою специальность – ес-

² Мещанинов И.И., Археологическая экспедиция Общества в Нагорный Карабах и Нахрай. Изв. Общ. обсл. и изуч. Азерб., N 4, 1927, с.с. 104-107.

³ а) Пассек Т. и Латынин Б., Очерк доистории Северного Азербайджана. – Изв. Общ. N 3, с.с. 112-157.

б) Ходжалинский курган N 11. Изв. Общ. обсл. и изуч. Азерб., N 2, с.с. 58-66.

⁴ Мещанинов И. И., Археологическая экспедиция..., с.с. 104-107.

тествознание – и в 1872г. перешел к археологии, положив начало раскопкам мцхетских могильников. Еще в 1866г. усилиями Байерна, Радде и их соотаврищей организуется Кавказский Музей.

В 1873г. открывается Кавказское общество любителей старины, сосредоточившее вокруг себя известных ученых: Байерна, Берже, Александра Ерицяна, Бакрадзе и др. В деле изучения древностей Кавказа, исключительное значение имел созданный в Тифлисе в 1881г. Пятый археологический съезд, выдвигавший, в особенности, изучение древностей Армении. Непосредственным результатом этого съезда надо считать труды Вирхова и Шантра.

Пятый археологический съезд первый обратил внимание на изучение Албании, и по его инициативе приступлено к раскопкам столицы ее – Партава. Албания, с которой исторически тесно связан Карабах, имеет более достопримечательные центры древности, чем Партава, но археологический съезд отдал предпочтение последнему, т.к. участвовавшие на съезде ученые в подавляющем большинстве больше интересовались историческими центрами нашего края в феодальную эпоху, чем первобытными памятниками; мне кажется, что в данном случае они находились под обаянием Моисея Хоренского: Хоренаци и Эмин давали направление работам конференции по Армении. Вот почему Археологический съезд оказывал предпочтение памятникам феодальной истории, оставляя без внимания древности архаической формации или интересуясь ими лишь между прочим. Это направление господствовало в кавказской археологии непродолжительное время, и мы видим, что под влиянием нескольких иностранцев, занимавшихся изучением Кавказа в 90-х гг., изучение архаических памятников – могильников, и курганов – также привлекло внимание кавказоведов. Центрами их изучения были районы: 1) Ганджа – Карабах, 2) Лори – Ширак – долина Аракса.

В первом из этих районов плодотворными оказались работы двух немцев – Белька и Реслера, во втором, в течение нескольких лет, работал непрерывно Н.Я. Марр.

Древностями архаической формации Н.Я. Марр начал заниматься с 1893г., производя раскопки у Санаина в Ворнаке и исследуя на склонах Алагеза находящиеся там курганы и другие памятники.⁵

Как раз в этот период карабахские памятники архаической формации стали предметом длительного изучения учителя Шушинского реального училища Эмиля Реслера. Реслер в течение ряда лет, живя в административном центре Карабаха – Шуше и сталкиваясь с интересовавшейся историей страны группой армян, не мог не обратить внимания на то богатое историческое наследство, которое сохранил Карабах. И вот Реслер долгие годы производит раскопки не только в разных частях Карабаха, но и в пограничном с ним Зангезуре.⁶ Чтобы

⁵ Отчеты Имп. Археологич. Комиссии за 1892 – 1893 гг.

⁶ Тоже за 1892, 1894 гг. с.с. 16-19. 1895 г. с.с. – 49-51, 56, 158. 1896 г., с.с. 106-109. 1897 г. с.с. 47-49, 150-160. 1898 г. с.с. 54-55, 166-168.

перейти к этим раскопкам, необходимо ознакомить читателя с находящимися в Карабахе древнейшими памятниками, дав вместе с тем список их, полный в той мере, в какой мне удалось составить его во время совершенного мною путешествия по Карабаху. В течение 10 дней я мог объехать и занести в список могильники и курганы, находящиеся в районе рек Хачена и Тертера.

Могильники. В Карабахе мы встречаем различные типы кладбищ, карт которых не имеется. Могилы либо из каменных плит, ящикообразно сложенных, либо без камней, прямо в земле; внешним признаком последнего типа кладбищ служат круги на земле, составленные из мелких речных булыжников. Известно, что эти два главных типа могил свойственны не одному только Карабаху. Такие могилы встречаются в Закавказье на каждом шагу, а могилы второго типа распространены, в особенности, в областях прежней Албании: так, например, этими типами могил довольно богат Гянджинский район. Особым видом ящикообразных могил, я думаю, надо считать удинские могилы, сложенные из очень крупных диких камней и отличающиеся обширностью и глубиной. Они скорее похожи на встречающиеся внутри курганов склепы, чем на собственно ящикообразные могилы. По открытии одного из боков можно, немного согнувшись, работать внутри склепа. Такие могильники я раскопал в 1913г. недалеко от с. Бананц, Гянджинского района, в дер. Хачака (Кушчи), куда был командирован по поручению Кавказского Музея для проверки описанной Шульцем предполагаемой клинообразной надписи на плите, которой была покрыта одна из могил вышеупомянутого типа. Этого типа могилы очень богаты бронзовыми предметами, что подтверждается добытым мною отсюда археологическим инвентарем.⁷

В Карабахе, как и в других частях древней Албании, мы встречаемся с двумя видами погребений: в ящичных могилах находим цельные скелеты, а в могилах, устроенных в грунте, встречаем следы обычая сожжения трупов. Такие могилы я раскопал в Хунане и недалеко от ст. Дзегам. В последних могилах я нашел большие кувшины. В погребениях такого типа попадают также каменные орудия. Карабахские курганы сохранили оба эти типа погребений: как цельные скелеты, так и следы сожжения трупов. В районе Ходжалу Реслер произвел раскопки ящичных могил, которые оказались очень бедны инвентарем,⁸ а произведенные в том же районе в 1897г. раскопки выявили господство здесь обычая сожжения трупов. Ту же самую картину дали могильники села Дашалти, возле Шуши. Раскопки могильников производились также и в других районах Карабаха, напр., в Варанде, в 20км. от Карабулаха, вниз по течению реки.⁹ Могильники, по сравнению с курганами, обыкновенно бедны инвентарем.

⁷ См. Инвентарь Кавказского Музея и Изв. Кавказского Музея.

⁸ См. Отчеты арх. Комиссии за 1894г. с.с. 16-19.

⁹ Из отчета Э.А. Реслера о раскопках в Шушинск. уезде. См. Отчеты Арх. Комиссии за 1895г. с.с. 49-51, 56, 158-159.

рем. Помимо бронзовых предметов часто встречаются орудия из железа. Так, например, в карабулахских могильниках Реслер нашел железный нож.

Курганами в особенности богаты южные степи Европейской части СССР. Эти курганы обычно называют скифскими или сарматскими.

Курганы, будучи «вечным» жилищем — «последним местом упокоения», строились особенно бережно. Вместе с умершим хоронили украшения и предметы обихода. Это последнее обстоятельство увеличивает значение курганов и делает их одним из главных вспомогательных средств в деле изучения истории материальной культуры древнейших эпох. Курганы, как известно, бывают различных форм и величины. Чаще встречаются правильные круглые конусообразные холмики. Покойника хоронили в земле, но, если умерший выделялся своим общественным положением, то на поверхности земли строили особую сводчатую могилу и, насыпав над нею землю и камни, создавали земляные холмы, делая, таким образом, могилу недоступной на протяжении многих веков.

Курганы южно-русские или скифские в большинстве относятся к так называемому периоду гольштата, но некоторые из них могут быть значительно древнее. К этому виду принадлежат также курганы нашей страны. Этот тип погребений был распространен в первом периоде металла в бронзовом веке; но он же сохраняется и позднее, в особенности, у кавказских горцев.

Карабахские курганы. Для изучения курганов автономной области Карабаха я располагал всего десятью днями. Чтобы использовать наиболее плодотворно это короткое время, я вынужден был отказаться от объезда всего Карабаха и отдать предпочтение изучению только той области его, которая, по моему мнению, является наиболее важной в этом отношении. Такою областью я считаю Хачен и Джраберд. Действительно, Хачен и Джраберд исключительно богаты древностями, из которых уже одною своею внешностью бросаются в глаза целые группы курганов. Курганы расположены здесь или по течению рек, или по направлению старых путей. Область распространения курганных групп начинается, по моему мнению, от древне-албанской, ныне Евлахской равнины, которую прорезывает шоссе, ведущее в Шушу. Чтобы убедиться в правильности моего предположения, что район распространения курганов тянется от степи вглубь Нагорного Карабаха, археологу необходимо тщательно обследовать прилегающую к Карабаху степь. От Евлаха до Агдама курганов я не обнаружил даже в районе древнего Партава, нынешней Барды, где мы имели небольшую остановку. Только недалеко от Агдама, где равнина кончается, и перед нами к югу вырисовывается горный хребет, являющийся как бы северной границей Нагорного Карабаха, только здесь на западе в поле появились большие и малые группы курганов. Наиболее значительная группа находится в южном краю степи, на расстоянии полукилометра от северных склонов упомянутого хребта, к юго-востоку от проходящей по склонам хребта дороги, между тюркскими селами Бахманлу и Кенгерлу. Всех курганов здесь 15, из них 8 расположены по прямой линии, имея в своем центре необычайную по своей вели-

чине земляную насыпь, а остальные 7 расположены перпендикулярно к ним, двумя параллельными рядами. Недалеко от этих курганов в горах открывается естественный проход, один лишь, по которому можно пройти с низменности к долине р. Хачена. Недалеко от группы этих курганов, у крепости Шах-Булах и родника того же наименования, начинаются другие группы мелких курганов, которые тянутся по направлению к дороге, к юго-востоку, недалеко от сел. Харлу и кончаются одним грандиозным курганом, недалеко отсюда дорога сливается с шоссе, следуя по которому, мы доходим до Аскерана.

Центром памятников т. н. бронзового века в этом районе нужно считать, несомненно, ходжалинские курганы, которые в археологии стали известны благодаря раскопкам Реслера. По дороге из Аскерана в Шушу, вправо от шоссе, у деревни Ходжалу, расположена большая группа крупных курганов, числом 13. Пять из них раскопал Реслер в 1894г.¹⁰ В дальнейшем на всем пространстве дороги встречаются как старые могильники, так и маленькие курганы — земляные насыпи: здесь также раскопки производил Реслер.

С Албанской равнины проникнуть в Карабах можно по созданным природой горным проходам. Из этих проходов три должны были иметь существенное значение, как естественные дороги для путников, направлявшихся с равнин. Эти три прохода следующие: Аскеран, как выход реки Каркар в равнину, и два прохода, созданные ущельями рек Хачен и Тертер, также выходящими на равнину. Это мое предположение подтвердится, если мы проследим расположение курганов. Начиная от степи, курганы группируются по трем направлениям и тянутся по трем упомянутым горным проходам — Аскерану и по рекам Хачену и Тертеру. О курганах, лежащих в Аскеранском или Каркарском направлении, я уже говорил; на пространстве между Каркаром и Хаченом курганов до сих пор не найдено. Кроме ходжалинских курганов, группы их встречаются еще в двух местах — в долине Хачена и по всему течению Тертера. В последних двух местностях курганы тянутся по направлению рек и их притоков со стороны равнин вглубь страны, с севера на юг, причем в нижних течениях рек курганы составляют большие группы и встречаются чаще, в горных же местах они рассеяны в беспорядке и часто высятся обособленно, по-одиночке. Базой курганов в Хаченской долине является Арачадзорский район, где также производил раскопки Реслер и Ваган Дамян (архимандрит Хачик).¹¹ Под Арачадзором влево от села, по большой дороге кочевков, с обеих сторон, поднимаются курганы различной величины. Вокруг лавок Арачадзора я насчитал десять курганов. Из них три раскопаны Реслером и Дамяном. Из остальных семи один правильный

¹⁰ В краткой отчетной заметке И. Мещанинова об археологической экспедиции Общ-ва. Исследования и Изучения Азербайджана в Нагорный Карабах, к сожалению, не указано число раскопанных этой экспедицией в Ходжалинском районе курганов (Изв. Общества исследов. и изучения Азербайджана, N 4, с.с. 104-107).

¹¹ Отчет археологич. Комиссии за 1895г., с.с. 49-51, 56, 158-159.

круглый холмик около 36м окружностью и 6¹/₂м высотой; кроме того, курганы встречаются также вниз по течению реки. На правом берегу Хачена группа курганов находится ниже монастыря Акопа, где, как мне передали, раскопки проводил Ваган Дадян.

Когда путешественник из Хачена вступает в Джраберд, в долину Тертера, он чувствует, что из бедной однообразной горной страны вступил в богатый одаренный природой район древней культуры, где на каждом шагу встречаются исторические памятники всех периодов, для одной только регистрации которых мало и нескольких месяцев. Неудивительно, что в течение 5 дней (15-19 августа) я не мог и думать завершить изучение Тертерского района; мне удалось совершить только один маршрут от верхнего течения Тертера до выхода этой реки на равнину: это место считается более важным для изучения памятников материальной культуры. В Тертере район наших памятников архаической формации начинается от Атерка и, идя вниз по течению реки, выходит на равнину. Район Атерка богат старыми могильниками; от села Атерк, спустившись на левый берег Тертера, мы следовали по течению реки вниз, причем через 2 часа подошли к старинному мосту Сарсанг. Еще не доходя до моста, в 2 километрах от него, вправо и влево от дороги, я заметил группу типичных для Карабаха курганов. Они начинаются на левом берегу реки, а по другую сторону дороги рассеяны по склонам гор, среди кустарника. Вначале я заметил 4 кургана – 2 больших и 2 маленьких, но после, не доходя до моста, вокруг мельницы, я насчитал 10 курганов на левом берегу Тертера, по обеим сторонам дороги. Пройдя мост Сарсанг, Тертер входит в узкое Джрабердское ущелье, скалы которого, сближаясь с обеих сторон, закрывают идущую по левому берегу реки дорогу. Поэтому дорога там постепенно покидает берег Тертера и за мостом удаляется от реки, поднимаясь по землям селения Мец-шен на высящиеся на правом берегу горные вершины. Затем, завершив круг, дорога снова спускается на берег реки, где долина расширяется и дает возможность дороге снова идти по речному берегу. Меня интересовал вопрос – отклонялась ли в древности дорога у Сарсанга от берега Тертера, как теперь, или следовала по течению реки, входя в ущелье Джраберда. Когда я перешел мост Сарсанг и, следуя по нынешней дороге, оставил Тертер вправо от себя в глубоком ущелье, то поднявшись на возвышающееся на правом берегу плоскогорье, я встретил новые ряды курганов в местности Ханага, на землях селения Мец-шен. Дорога проходит здесь мимо ряда курганов, на пути встречены развалины какого-то древнего сооружения. Как курганы, так и руины дают мне основания предположить, что дорога и в старину шла по тому же направлению, что и теперь; в противном случае присутствие Ханагаской группы курганов, нам трудно было бы объяснить: ведь до сих пор курганы везде обнаруживались по течению реки. Большая группа (около 7) расположена на нижнем течении Тертера (полтора километра от почтовой станции Тертер).

Албанскую равнину с Карабахом соединяет проход Агдара, где теперь куса-патцы основали большое селение – Агдара; здесь, на расстоянии 1 километра к северо-востоку от селения, находится еще одна группа курганов, по месту прозванию Тапалар.

Возвращаясь 13 августа из Гандзасарского монастыря в сел. Ванк, я собрал ряд сведений о памятниках древности в этом районе; житель этого селения, семидесятипятилетний Лазарян, много путешествовавший как по Карабаху, так и по соседнему Курдистану, говорил, что сам видел курганы, которые местные жители называют «насыпями язычников» (Վրացիների բերդ). Они оказались в следующих местах:

1. Под селением Арачадзор и над лавками этого же села; среди курганов есть одна большая насыпь и рядом большой камень, засыпанный землей. Здесь производил раскопки дьякон Ваган Дадян (архимандрит Хачик).
2. Есть курганы также недалеко от первых, под селением Тымылгу; здесь также производил раскопки Ваган Дадян.
3. Ниже села Тымылгу среди пашен Ылыбаби, на правом берегу Хачена.
4. На левом берегу Хачена среди пашен Гюллу-Тала.
5. На расстоянии 300-400 шагов от села Ахмахлу, вдоль дороги, на землях Алындж.

6. Выше селения Ванк, в местности Тана-ох, есть 4 больших насыпи и, кроме того, ряд очень маленьких насыпей.

7. На берегу Тертера, возле села Дрымбом, в местности «Локи-ох» – 4 больших и недалеко от них еще другие 3 больших кургана.

8. К северу от сел. Ванк под «Мец-Линджин» есть две очень больших насыпи. Сбоку одной из них поставлен необтесанный камень 2м 88см длиной: на камне нет никаких надписей.

9. В Курдистане у Ариштара, недалеко от местности Харбан, я видел около 100 насыпей.

10. На Тертере, в районе Артерка, всюду есть курганы. Когда я поинтересовался старыми надписями, Соломон Лазарян обратил мое внимание на камень, возвышающийся над Кчохутом, прозванный «Цорт-Ахпри». Камень лежит у истока родника и, по словам Лазаряна, имеет несколько клинописей; хотя я далеко не убежден в правильности этого показания Лазаряна, но в то же время, принимая во внимание прослеженную исследованиями культурно-историческую связь между районами верховьев Тертера и Севанским, мне не кажется невозможным встретить и в долине Куры халдские надписи, в особенности после того, как мне пришлось описать в 1913г. одну подобную надпись в Арцахе, в Гянджинском районе, близ Бананца. К сожалению, я не имел возможности проверить лично показания Лазаряна, посетив район Кчохута, который находится на расстоянии 10км к северу от Ванка.

Путешествуя по верховьям реки Тертера, и проехав через Курдистан в Зангезур, я убедился, что ряды карабахских курганов тянутся к югу в нескольких

направлениях; так, например, одна линия курганов через Аскеранский проход и Шушинский район проникает в Курдистан, вступив в Зангезур через Забух, эта линия направляется через Тыг (Տիղ) – Шинхер – Алидзор, где всюду мы встречаем как группы курганов, так и отдельные насыпи. Конечным пунктом распространения этих групп в Зангезуре я считаю курганы, находящиеся в Сициане, возле сел. Караклис. Другая линия курганов проходит через Тертер к Севанскому району; мне кажется, поэтому, что севанские курганы являются продолжением карабахских. Благодаря всем этим данным, создается впечатление, что курганы подобного типа расположены, главным образом, в области древней Албании, т.к., в отличие от остальных районов нашего края, они находятся здесь в несравненно большем количестве и большими группами тянутся по территории нынешнего Азербайджана от берегов озера Севан (древние области Сюник – Арцах) вплоть до Ленкоранского района.

Тщательное исследование курганов – единственный путь для разрешения вопроса, к какой культуре относятся эти памятники, и есть ли какая-либо связь между курганами карабахскими и скифскими, а также и между курганами карабахскими и севанскими. Я лично не имел возможности не только произвести раскопки, но и составить подробную карту области распространения курганов с обозначением как внешней формы, так и величины исследуемых памятников. Перед экспедицией стояли свои тяжелые задачи: при крайне ограниченных средствах каждому участнику экспедиции в отдельности нужно было закончить свое дело в 10-12 дней. Порученное мне дело еще больше пострадало от того, что фотограф экспедиции отправился из Степанакерта в Курдистан и поэтому не мог меня обслуживать. В таких условиях мне оставалось основывать свои выводы на результатах тех раскопок в Карабахе, которые уже производились другими.

Как я указывал, в пройденных мною районах раскопки производили два лица: дьякон Ваган Дадян (архимандрит Хачик) и немец Эмиль Реслер. О результатах раскопок первого никаких печатных сведений мы не имеем, поэтому нет возможности оценить их научное значение; однако, мы не ошибемся, если скажем, что в первом периоде своей жизни Ваган Дадян, раскапывая курганы Арачадзора, задавался лишь целью собрать курганный инвентарь. Что же касается Реслера, то он производил раскопки с разрешения Петербургской археологической комиссии, которой и обязан был представлять отчеты о результатах своих работ. Под руками у меня имеются отчеты раскопок, производившихся Реслером начиная с 1894 по 1898гг. О первоначальных раскопках Реслера недостает некоторых сведений; по сданным им Кавказскому Музею в 1897г. коллекциям видно, что систематические раскопки Реслер начинает производить с 1894г., сначала в Ходжалинском районе, а затем возле сел. Хачен, Арачадзор и Дамгалу. У почт. станции Ходжалу на пространстве квадратного км. Реслер насчитал 30 курганов различной величины, из которых 5 он раскопал в 1894г., а 6 в следующем 1895г. В этом году, кроме Джеваншира и Хаче-

на, Реслер начал производить раскопки и в Джебраиле. Здесь у села Карабулах он раскопал очень большой курган — Кара-Кеопак, но не закончил. Во время раскопок Кара-Кеопака Реслер открыл остатки кирпичного сооружения. Кара-кеопакский курган находился на расстоянии 2 километров от села Карабулах на берегу реки Кеондалан-чай: он окружен группой около 30 малых и больших курганов, которые своей внешностью схожи с ходжалинскими курганами.

Реслеру рассказывали, что другая большая группа курганов расположена на нижнем течении Кеондалан-чая и в 20 километрах вниз по течению от Карабулах.¹²

Река Кеондалан состоит из двух притоков; она берет начало у хребта Кирс и, прорезав Варанду, впадает в Аракс. Тянущиеся по течению реки курганы, служат доказательством того, что, подобно долинам Тертера, Хачена и Каркара, и эта долина также была естественным проходом для этнических групп, шедших с равнин Аракса в Нагорный Карабах. Этим и объясняется, что здесь курганы и многочисленные могильники тянутся также по течению реки.

Внешняя форма карабахских курганов. Описанные мною курганы в долинах Хачена, Тертера, Каркара и в албанских степях имеют разную величину и форму и безусловно принадлежат к разным культурам. Следовательно, они возникли не в одну эпоху, а в течение тысячелетий, начиная от древнейших времен до эпохи урартийцев.¹³ Рядом с насыпями, едва поднимающимися над землей, находятся громадные курганы высотой до 25-30 м. Внешность насыпей ничем не отличается от курганов южной России: курган в своей основе образует правильный круг, вершина же его конусообразна или слегка плосковата, иногда с ямкой на вершине. Помимо этого в Карабахе встречаем курганы особого типа. После устройства над могилой земляного холмика, для укрепления его облицовывали большими неотесанными камнями. Под селом Арачадзор, на краю дороги, ведущей к лавкам, я осмотрел курган, поверхность которого была целиком облицована неотесанными камнями, наподобие египетских пирамид. Что касается внутренней отделки курганов, то нужно сказать, что Реслер, во время произведенных им раскопок, оставил почти без внимания технику строения курганов, сообщая о ней изредка несколько слов. Так как мне не удалось произвести раскопок, я вынужден удовлетвориться сведениями, взятыми у Реслера: по его словам, холмики бывают или из чистого песка, или перемешаны с гравием. Того вида курганов, который описан в Хасан-Кале,¹⁴

¹² Из отчета Э. А. Реслера о раскопках в Шушинском уезде.

¹³ По словам руководителя археологической экспедиции О-ва Обследования и Изучения Азербайджана в мае 1926 г. И.И. Мещанинова "сосредоточение в одном месте Ходжалов пяти разновидностей курганных насыпей делает Ходжалы прекрасным исходным пунктом для начала планомерного изучения доисторического Азербайджана" (Изв. Общ. обл. и изуч. Азерб., N 4, 1927, с. 104).

¹⁴ См. Нор-Ашхар, 1922, N 1, с.с. 99-108 и Изв. КИАИ, т. IV, с.с. 71-88.

Реслер в Карабахе не встречал. Насыпи хасан-калинских курганов состоят из земли и мелких камней, сложенных отдельными правильными слоями. Реслер говорит, что некоторые из ходжалинских и арачадзорских насыпей составлены из смеси чернозема и булыжника; что же касается устройства находящихся внутри курганов могильников, то трупы, по словам Реслера, похоронены прямо в земле или в сложенной из неотесанных плит ящикообразной камере. Изготовленные тщательно из обтесанных камней склепы курганов, которые обычны в скифских степях, в особенности в VІв. до н.э., точную копию которых представляет хасан-калинский курган, в Карабахе не встречаются. Говоря об обычае похорон, Реслер отмечает наличие в раскопанных им курганах как цельных скелетов, так и сожженных костей и пепла. Отсюда ясно, что мы имеем дело и с обычаем сожжения трупов. Эти две формы погребения — как зарывание, так и их сожжение — встречаются везде рядом. Вера в то, что человек со смертью не кончает своей жизни, а только переносится в другой мир, была причиной, что покойника опускали в могилу не только в одежде с оружием и украшениями, но и с домашней утварью, со всем тем, что было необходимо живому человеку. Это обстоятельство поднимает ценность и значение курганов и древних могильников при изучении экономики и социального строя давно отошедших периодов.

Благодаря сохранившимся в нашей стране курганам и могильникам, мы имеем определенную картину культуры древних эпох, начиная с раннего периода металлов до т.н. исторических времен: карабахские курганы в этом отношении довольно богаты и ценны. В подавляющем большинстве все они принадлежат к различным периодам бронзового века. Предметы, найденные Реслером и архимандритом Хачиком во время раскопок, в большинстве случаев бронзовые; встречались кремь, золото и железо. Описания многочисленной встречающейся в курганах глиняной посуды мы не имеем: эта посуда особенно важна для выяснения возможной связи с встречающимися в Ефратском и Араксинском бассейнах хорошо глазированными, красноватыми и черными глиняными изделиями, которые считаются продуктом, между прочим, и халдской культуры.

Бронзовые орудия (бебут, стрелка, топор, нож), украшения в виде животных и птиц, брошки, серьги, кольца, различные глиняные вещицы и цветные бусы, золотые украшения и глиняные кувшины ныне находятся в Ленинградском Эрмитаже и в Московском Историческом Музее. Кавказу досталось только 50 номеров второстепенных предметов. Они сданы быв. Кавказскому Музею (Museum Caucasicum, Карабах, ст. 113-117).

Значительная часть реслеровских раскопок перешла за границу и послужила материалом известному антропологу Р. Вирхову при изучении им древних культур Кавказа. Как я уже раз упоминал, предметы, добытые при раскопках карабахских курганов и могильников, дают нам возможность, несмотря на от-

существование письменных сведений,¹⁶ осветить картину очень отдаленного прошлого — эпохи доклассовой формации. Курганы дают нам некоторые сведения о развитии общественных отношений того времени. Эти памятники знакомят нас с богатым материалом для истории искусства: одним словом, они освещают многие численные явления жизни соответствующих эпох. В особенности они важны для социальной истории всего края, поскольку они отчасти сохранили картину общественных взаимоотношений того периода. Произведенные Реслером раскопки в Хаченской долине обнаружили в курганах группу скелетов, похороненных в различных позах. В центре могильников, во всю длину располагается главный скелет, вокруг которого, в согнутом положении или на коленях, расположены другие скелеты в разном количестве; обычно в каждой могиле от 3 до 8 человек. Вместе с людьми встречаются и похороненные лошади, со своей сбруей и другими бронзовыми украшениями. Вместе с людскими скелетами находят сложное различное оружие — копья, ножи, стрелы и глиняную, хорошо выжженную посуду различной формы.

В ходжалинских курганах трупы, в большинстве случаев, сожжены, поэтому тут все перемешалось: людские кости, бронзовые предметы и остатки животных — все это находится в пепле могильника. Эти курганы позволяют сделать вывод о существовании в Закавказье в эпоху архаической формации рабства. Опуская в могилу умершего владельца, вместе с ним хоронили определенное число рабов. Обычай этот — хоронить вместе с хозяином рабов и наложниц — распространен был, как известно, не только в Карабахе, но и во многих других странах.

Описание этого существовавшего в древней Армении обычая дает нам и Моисей Хоренский, рассказывая о похоронах царя Арташеса.

Реслер помнит, что в глиняных сосудах, среди остатков пищи, попадаются не только овечьи кости, но и кости бизона; предполагают, что Реслер ошибается, путая кости быка или буйвола с костями бизонов. Вопрос этот еще не решен.

Главный металл, встречающийся в курганах — бронза. Иногда встречается золото или железо. Вне всякого сомнения, что Кавказ, как богатая рудниками страна, с древних времен был известен своими металлами.

Богатые металлические коллекции, добытые в кавказских курганах, как и новые исследования в области языков кавказских народов, в особенности труды Н.Я. Марра, неоспоримо доказывают значение Кавказа в истории метал-

¹⁶ Редким исключением составляет ассирийская бусина с клинописью, найденная Реслером в 1895г, в Ходжалинском кургане, N 11, И.И. Мещанинов датирует ее условно 763-755 годом до хр. эры. См. Изв. Об-ва обследов. и Изучения Азербайджана N 2, с.с. 49-57, N 3, с.с. 107-111.

пообработки.¹⁶ Для обработки металлов особенное значение имела горная область, расположенная между Курою и Араксом. В древнейшие времена на этом пространстве создавались центры кустарной обработки металлов в нескольких местах: все эти центры, за исключением Лалварского района, находятся в древней Албании или в южной ее части — Арцахе. В наше время обработка металлов (собственно, меди) также производится в этом издревне известном металлургическом районе. Рудники Гянджинского района, Кедабекских и Лалварских склонов, которые ныне являются центрами добычи и обработки меди, еще в древнейшие времена привлекали внимание человека и были главными центрами металлургии. Этим объясняется обилие металлических орудий и украшений и разнообразие их, которое встречается в курганах Гянджинского и Лорийского районов.

Добытые в Карабахских курганах металлические предметы с бронзой курганов Гянджинского и Лалварского районов послужили материалом для обширного исследования Вирхова «Кавказ и его место в истории культуры». Изучая обнаруженную во время раскопок Респера бронзу, Вирхов сравнивает ее, с одной стороны, с найденной в северной Армении, главным образом, в Албании — могильной бронзой, с другой стороны — с северо-кавказскими, именно с кобанскими древностями. Вирхов не разделяет мнения ряда ученых (Франсуа Ленорман, Ал. Бертран), что культура металлов впервые создана на Кавказе и отсюда распространилась в другие места. «Мое противоположное им (Ленорману, Бертрану) мнение основано на изучении природы: нам известно, что наидревнейший металл, обрабатываемый на Кавказе, это бронза».

Анализы без исключения показывают, что это бронза с примесью олова, т. е. такая бронза, состав которой соответствует так называемой классической смеси. Надо сказать, что на Кавказе, в длинной горной цепи, называемой Малым Кавказом, и в странах, расположенных между Армянским нагорьем и Черным морем, медные рудники встречаются в большом количестве. Арцруни по моему поручению производил в этих местах довольно продолжительное, и тщательное исследование на олово, давшее отрицательные результаты. В этих медных рудниках олова не было найдено. Поэтому олово кавказских металлургов надо считать занесенным извне. Персию, в особенности Хорасан, надо считать местом, где впервые было открыто олово.¹⁷

Как раскопки Респера, так и организованные по поручению Вирхова около Калакенда (Гянджинский район) В. Бельком раскопки, также и собранные де-Морганом в 1888-1890 гг. в могильниках Шейтан-даг, Ахтала и Масиери бронзы дают основание предполагать, что на Кавказе в архаические времена вместе с техникой металлов развилось и местное искусство. Наряду с бронзовыми

¹⁶ Марр Н., Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидаии средиземноморской культуры, Лейпциг, 1920.

¹⁷ Չիլիսյան Ռ., Հովվաւի տեղը քաղաքակրթութեան ւիտմութեան մեջ, քարգձ. Լ. Բարսիւեան, Ազգագրական հանդես, 1895թ., էջ 57:

предметами, украшениями для подвесок, грубыми изображениями углублений и ямок, мы видим и утонченные гравированные изображения людей и особенно животных, изображений же растений нет. Части же растений, найденные на различных украшениях, Вирхов считает имеющими древнее происхождение.

Часто встречаются простые линии, геометрические орнаменты и целиком изображенные фигуры животных. В качестве материалов для своего исследования Вирхов берет встречающиеся на бронзовых предметах изображения животных. В особенности он останавливается на бронзовых плоских поясах и, сравнивая их с кобанской бронзой, приходит к тому заключению, что эта культура часто носит печать кобанской культуры.

Какие животные изображены на этих бронзах и что в них надо считать чужеземным? На кобанских бронзах чужеземных животных нет. Удивительно, говорит Вирхов, что изображения быков, занимающие видное место в ассирийско-вавилонском искусстве, в древне-кавказском искусстве совершенно не прослеживаются. Изображения быков так необычны на Кавказе, что их надо считать исключением. Нам известно, что в искусстве Ассирии и Месопотамии картины борьбы львов и диких быков — обычное явление, между тем на кавказской бронзе их не видно. Любопытно отметить, что ассирийско-вавилонское влияние на Кавказе в бронзовом веке не заметно.

Реслер из арачадзорских курганов достал одно бронзовое украшение, в четырех углах которого, по его словам, имеются изображения львиной головы. Вирхов, подробно исследовав эту бронзу, приходит к заключению, что эти львы не имеют гривы. Поэтому ему кажется вероятным, что это головы часто попадающихся на Кавказе тигров или пантер (барсов). Значит, это животные, принадлежащие к кавказской природе, а не чужеземные. На найденных в кургане, находящемся в 10 километрах от Арачадзора, предметах изображены головы, которые также должны быть изображениями голов тигров.

По мнению Вирхова, изображенные на бронзах животные не принадлежат к отдаленной стране и культуре. Говоря о погребальном культе, Вирхов категорически утверждает, что в найденных и открытых де-Морганом, В. Бельком и Реслером могильниках скелеты принадлежат одному и тому же племени и современны скелетам, которые по типу черепов отличаются от нынешних жителей Кавказа.

В то время, как южная Армения подвергалась сильному влиянию ассирийского искусства, как показали начатые еще в 1879г. топрак-калинские раскопки, в северной Армении мы не видим следов этого влияния.

Источником той большой культуры, результатом которой являются встречаемые в карабахских курганах металлические предметы, мог быть южный Кавказ или Армянское нагорье, но можно допустить, что это течение здесь приняло новые притоки. Вирхов справедливо называет эту культуру северо-халдской индустрией. Судить о месте этой культуры можно будет только тогда,

когда будет исследовано культурное наследство халдских племен в пограничных с Карабахом странах.

Мнение Вирхова, что карабахские курганы не являются продуктом творчества культуры Армянского нагорья, или, правильнее, южного Кавказа, и что эти курганы принадлежат иной, еще до сих пор не открытой культурной среде, не вызывает сомнения. Будучи совершенно согласен с этим мнением и, допуская, что среди карабахских курганов некоторые носят печать каких-то северных влияний, я попытаюсь это мнение дополнить новыми данными, предоставив окончательное заключение будущему, когда эти курганы будут систематически раскопаны и изучены. Необходимость в этом крайне чувствуется теперь, когда так нужно высказаться об этих памятниках.

Теперь посмотрим, о какой северной культуре здесь может быть речь.

Когда, объезжая Хачен и Джраберд и следуя всюду по расположению курганящего Нагорный Карабах природной стеной от Евлахской степи, и снова тщательно просмотрел группы курганов и занимаемые ими направления, у меня создалось впечатление, что ряды курганов берут начало в Албании, или в нынешних северо-восточных частях Евлахской степи, и тянутся на юг в Нагорный Карабах. Достигнув хребта, составляющего северную часть Карабаха, линии курганов, разветвляясь, вступают в нагорную часть через три природных прохода, по которым текут реки Хачен, Каркар и Тертер. В дальнейшем курганы тянутся к югу, следуя всегда по течению рек, с одной стороны вступая в Зангезур, а с другой в сторону Севанского озера.

Принимая во внимание их внешнюю форму и изучая добытые в курганах предметы, ныне находящиеся в Госуд. Музее Грузии (в Кавказском Музее), я считаю, что более правильным было бы приписать их не исключительно северо-халдской культуре, а северо-яфетической, или, еще правильнее, скифам.

Для доказательства этой моей гипотезы, помимо археологических доводов, имеется еще несколько бесспорных данных: с одной стороны палеонтологический анализ яфетических языков, с другой стороны, исторические и географические данные, к которым я и перейду.

О нашествии скифских племен в Албанию сообщают как Геродот, так и Ксенофонт. Геродот рассказывает, что скифы вторглись в Азию вслед за изгнанными ими из Европы киммерийцами. Скифы пошли по верхней, гораздо более длинной дороге, имея по правую руку Кавказский хребет.

Скифы господствовали в Азии 28 лет и все здесь опустошили. Большинство их Киакасар и мидяне, пригласив на пир и напоив пьяными, перебили.¹⁸ По словам Ксенофонта, скифины жили рядом с халивами на равнине около реки Арпасу.¹⁹ О рассеянных в различных частях Кавказа скифах, вернее, различ-

¹⁸ Геродот, кн. I, § 106, изд. Калленберга, Лейпциг, 1885 (Латышев, Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. СПб, кн. I, с. 5, § 106).

¹⁹ Ксенофонт, Анабазис, гл. 7, § 1-4.

ных скифских племенах, интересные сведения мы находим у авторитетного писателя Страбона, когда он говорит о народах, населяющих Кавказ.

Достоверность сведений греческих историков удивительным образом находит подтверждение, помимо археологии, в современной лингвистике. Ростовцев, говоря о скифских курганах, также утверждает, что в этих курганах мы встречаем какую-то смешанную культуру; подтверждение этого мы видим в карабахских курганах. После этого Ростовцев, исследуя памятники, добытые в разное время в скифских курганах на юге России, приходит к тому заключению, что определить границы распространения этой культуры пока невозможно. Основной характерной особенностью этой культуры на всем ее протяжении является смешение составных ее элементов, при том не везде одинаковых. В состав ее входят, прежде всего, разнообразные в отдельных случаях элементы местной, так называемой доисторической культуры, далее, в зависимости от районов, более сильные и более слабые элементы греческой культуры, наконец, элементы культуры, ближайшим образом родственные миру алародийско-хетскому и иранскому, но во всяком случае, элементы не европейского, а азиатского происхождения.

К составу скифской культуры можно причислить некоторые культурные элементы, свойственные, главным образом, Кавказу.²⁰ Ростовцев новыми данными доказывает, вопреки мнению де-Моргана, что Закавказье в древности никогда не было отрезано культурно от северного Кавказа и, следовательно, от южно-русских равнин.²¹ На это еще в 1893г. указывал и Н.Я. Марр. Все это подкрепляет мою гипотезу о том, что карабахские курганы могут содержать скифские элементы, поскольку Кавказ был соединен весьма древними связями с окружающими народами вообще и, в частности, с обитающими на берегу Черного и Каспийского морей скифами.²² Основатель яфетической лингвистики, мой уважаемый учитель Н.Я. Марр, занимаясь палеонтологией языков, открывает перед археологией удивительную панораму, где занимающий нас археологический вопрос – сходство карабахских курганов с скифской культурой – получает новое освещение. В одном из своих²³ трудов Н.Я. Марр выдвигает новые факты по поводу занимающего нас скифского вопроса:

²⁰ Ростовцев М.И., Скифия и Босфор. Критический обзор памятников литературных и археологических, изд. Рос. академии истории материальной культуры, 1925, с.с. 302-303. Скифские курганные погребения.

²¹ См. Отчет Археологич. Комиссии за 1893г., с. 36. Находки 1893г. и случайно купленные вещи, по мнению Н.Я. Марра, позволяют оспаривать мнение Моргана о том, что закавказские древности имеют особый замкнутый тип, отличающийся от древностей Северного Кавказа.

²² Ростовцев М.И., Ук. соч., с. 304.

²³ Марр Н.Я., Книжная легенда об основании Киева на Руси и Куара в Армении – Изв. Рос. академии ист. материальной культуры, т. III, 1924, с. 262.

«Киев для нас, однако, пока лишь новый, наиболее отдаленный западный пункт распространения скифов или скотов, фиксируемый яфетидологически. С этими пунктами неразлучны их двойники-тезки – саки, оставившие свое название в древней Армении, у Севанского озера, в области Si-sa-kan, на рубеже с Мидией и цумы, населявшие северо-западную часть Кавказа от Лечхума (Лешкит) в исторической Грузии до Сухума и Абхазии. Если саков-скифов (а с ними согдов-скифов)²⁴ мы имеем в направлении на восток вплоть до Средней Азии, скуты-скифы тянутся до Балкан с устремлением на юг до Альп и далее. В свою очередь весь скифский вопрос в масштабе разворачивающихся яфетидологических изысканий – лишь одна из частных проблем; с нею рядом выступает вопрос о расенах или расах (пеласагах, этрусках, урарту), вопрос об ионах (ионах или сванах и т.д.), вопрос о касях или каспиях (равно каситах и т.д.)».

«Тем не менее, – продолжает Марр, развивая свою теорию о скифах, – скифский яфетический элемент, в местном отложении, в частности на юге России, приобретает для нас, естественно, особо важное значение, если он действительно связывается с другим краем. Всем хорошо известны, по вещественным памятникам исторической культуры, блестящие попытки сближения Кавказа и Передней Азии с югом России. Но в тесной связи тех же стран нет ничего неожиданного и в этнографическом отношении».

Тот же взгляд Н.Я. Марр защищал в прочитанной им в Париже лекции на армянском языке.²⁵ Все это доказывает и обосновывает наше предположение, что карабахские курганы являются продуктом скифской культуры. Все данные о курганах – направление их, внешняя форма, внутреннее содержание, погребальный культ, все это становится понятным и ясным, если допустить, что они скифского происхождения.²⁶ Под скифами греки подразумевали целый ряд племен, иначе говоря, слово скиф имело собирательное значение, и если это так, то интересно выяснить, с какими племенами скифов имеют связь курганы Карабаха. Ответ на этот вопрос мы находим отчасти в следующих указаниях Страбона:

«Большая часть скифов, начиная от Каспийского моря, называлась даями, живущих далее к востоку звали массагетами и саками, а прочих называли вообще скифами, но каждое племя имело и частное имя. Все они вели большей частью кочевую жизнь. Саки совершали походы, подобно киммерийцам и триарам, то в более отдаленные земли, то в соседние; так, они заняли Бактрию и завладели в Армении наилучшей землею, которой оставили от своего имени и название – Сакасины».²⁷

²⁴ То же, с. 270.

²⁵ *Մարր Ն. Հայկական նշակույթը. Երևան արձանագրությունները և նախապատմական կապերը ըստ լեզվաբանության*, Փարիզ, 1925, էջ 28-29:

²⁶ Яфетический сборник I. Марр. Термин „скиф“, с.с. 70-74.

²⁷ *Страбон. Восточные скифы и массагеты*, кн. XI, гл. 8, §§ 2, 4.

Действительно, в нескольких частях Албании мы находим это географическое название, подтверждающее слова Страбона, но уже в восточном произношении — Шакашен взамен Сакасен. Помимо имени Шакашен с саками связан целый ряд других географических имен, как, например Заг-ам, или, правильнее, Сак-ам.

Кроме свидетельств историков и связанных с саками географических имен, среди населения Гянджинского района осталось устное предание о саках. Но кто такие саки? По словам Геродота, персиане под словом «сак» понимали — скиф. Это означает, что для персов «сак» имело такое же собирательное значение для кочевых племен, проживавших в их пределах, как «скиф» для греков. Повествуя об организованном Ксерксом походе против греков, Геродот описывает вооружение бывших в походе саков; они вооружены были топорами, особой формы секирами. Слово *sa-gar resp. zak-ag*, имея двойник с суффиксом *ig (?r)* *zak-ig* — секира, происходит от племенного названия *sak'ov*; форма *sak-ig* сохранилась у армян (боевая секира). Как скифское слово яфетической морфологии оно, повидимому, получило распространение не только у славян и римлян, но и у семитов.²⁸ Участвовавших в нашествии Ксеркса саков Геродот называет «саками амюргийцами». Саками они называются потому, заключает Геродот, что персы так зовут всех скифов. Отсюда мы узнаем также, что амюргийцы-саки во времена Ксеркса были или союзниками персов, или подданными, почему и принимали участие в походах. Далее мы видим, что саки — данники персов. Так, например, по словам Геродота, саки считались в 15 сатрапстве и вносили в персидскую казну 250 талантов: как данники, они помогали Дарию в битве при Марафоне.

Действительно, Дарий в одной из своих клинописных надписей (Накши-Рустем) в числе своих данников упоминает три рода саков; на знаменитой Бехистунской скале изображен, в числе прочих пленных, восставший сак — Сакук.

Саки выходят на историческую арену гораздо раньше организации древнеперсидского царства.²⁹ По сообщениям греческих историков, саки обитали и на востоке Як-сарта. Птоломей местожительством саков считает восточный Туркестан. Предполагают, что часть саков с Яксарта в VII в. хр. э. пробралась на северный берег Каспийского моря, откуда пустилась в поход в Албанию, или, как говорит Страбон, в Армению и заняли самые богатые области, которые стали называться именами саков: Сакашен, Сак-ам (Загам), Сак-и (Шак-и) и т.д. Вот как представляем мы саков на основании древних классиков.

Хотя и трудно бороться со старыми традициями, особенно в этом вопросе, когда до последних дней индо-европейская лингвистика придает свое освещение сказаниям Ксенофонта и Геродота, но нельзя не сознаться, что палеонто-

²⁸ *Март*. Ук. соч. Термин „скиф“, с.с. 123-124.

²⁹ По этому вопросу весьма богатый материал содержит труд В. В. Григорьева о скифском народе саках. Историч. монография, 1871г. СПб, откуда я и пользовался цитатами.

логия кавказских языков, по данным яфетической теории, заставляет пользоваться этими источниками весьма осторожно и с определенной воздержанностью.

По Марру Si-sa-kan и Si-uni не только два названия одного и того же края Армении, но и одинакового яфетического, доиранского происхождения, означающего: дети ти-ев, или³⁰ си-ев, и потому он думает, что слово сак (сын) является племенным названием страны саков. Шакашен известен под тем же названием Страбону или под именем Sakasini Плинию.

Слово сак (груз. zaq – детеныш буйвола и в армянском dzag) с перегласовкой окающего диалекта, именно-разновидность zoq сохранилось как племенное название того, ныне армянского, племени в пределах древней области Сисакан или Сюни, где именно жили саки. Таким образом, выходит, что саки – не пришлый народ с севера или из-за Каспия, Туркестана, как это допускают иранисты, а коренные обитатели Закавказья. Одним из мест их жительства в пределах Кавказа, по теории Марра, надо считать бассейн Севанского озера E-ti-uni или область на границе древней Армении с Албанией; в особенности области Si-un-i или Si-sak-an, или U-tig – есть район, где по историческим данным, господствовали саки.

Страна E-ti-uni по мнению Н.Я. Марра, на севере доходила до нын. Ахалкалакского района, следовательно до пределов позднейшей Месхии. В этих пределах Etiuni сохранилась до Гекатея, который, называя населявший ее народ безукоризненно правильным, по яфетической морфологии, термином с префиксом та - ματιυοι сообщает, что месхи – племя колхов – примыкает к матиенам.³¹

Ахалкалакский район, по Марру, входит в пределы если не чистых, то все-таки смешанных со скифами колхов, единоплеменников скифского народа. Это свое предположение Марр подкрепляет одной клинописью Сардура II, где говорится о походе этого царя через Iški-guli – полускифскую страну еще, значит, в VIIIв.³²

Для подкрепления своих выводов о местонахождении саков в пределах древней области Etiuni, Марр очень удачно указывает и на однородность памятников материальной культуры на Viш-ар'ов (фигуры рыб-великанов). Вишапы (iшра эламитов, te-iшба – в составном Te-iшба халдов Ванских), были обнаружены Марром еще раньше в Гехамских горах, с храмом главного из них Te-iшба – постройкой халдского царя у Севанского озера, а потом в 1917г. и в Ахалкалакском районе, у сел Мурджакет.³³ Таким образом, нет сомнения в единстве памятников материальной культуры между стоянкой саков бассейна Севана и Ахалкалакским краем, или бассейном Чалдыр-геля, который, как ска-

³⁰ Марр. Указ. соч, Термин „скиф“, с.с. 97-98.

³¹ То же, с. 89.

³² Надпись Сардура II, из раскопок ниши на ванской скале (Археологическая экспедиция 1916г. в Ван). Петр. 1922.

³³ Смирнов Я.И. и Марр Н.Я. Вишапы, Ленинград, 1931.

зано выше, входил в пределы расселения скифских племен. Помимо указанных памятников, Чалдыр и Севан отныне связываются еще одним видом памятников материальной культуры.

Группы курганов тех типов, которые обычны в стране саков, тоже тянутся на запад до Ахалкалакского района, где они группируются, принимая несколько направлений, о чем мне сообщил Л.М. Меликсетбеков. Таким образом, и палеонтология языков, и памятники материальной культуры свидетельствуют об единстве культур северного района древней Армении и пограничной полосы Грузии и Албании с саками и другими разновидностями скифов и дают нам основание поставить вопрос о скифском происхождении карабахских курганов.

Вопрос о племенном происхождении саков был предметом недоразумений настолько, что немецкий ориенталист Мордман приписывал им туранское происхождение: «саки определенно — говорит он, — турки».³⁴

Естественно, что в настоящее время весь этот вопрос нуждается в коренной перестройке.

Для доказательства моей гипотезы о саках Закавказья необходимо более подробное и систематическое изучение карабахских курганов.

---

³⁴ Zeitschrift d. Deutsche Morgenländische gesellschaft.